

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирпичникова, М. В.* Гатчинский дворец. Трагедия 1940-х годов и трудный путь к возрождению / М. В. Кирпичникова // Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца: сб. ст. по материалам науч.-практ. конф. ГМЗ «Петергоф». – СПб. : ГМЗ «Петергоф», 2016. – С. 142. – (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век).
2. В Павловск вернулся бронзовый Меркурий [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://lenta.ru/news/2005/10/06/mercury/>. – Дата доступа : 29.08.2017.
3. И однажды откроется дверь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tzar.ru/shows/show/?id=4848>. – Дата доступа : 29.08.2017.
4. Немецкие пенсионеры передали Царскому Селу «трофеи» предков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2078554>. – Дата доступа : 29.08.2017.
5. Икона императорской семьи вернулась в музей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tzar.ru/info/info-events/title/?id=5318>. – Дата обращения : 29.08.2017.
6. *Григорьева, Н. В.* Роль Новгородского музея-заповедника в сохранении культурно-исторических ценностей в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Григорьева // Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации коллекций Государственного Эрмитажа на Урал. 4–6 апр. 2016 г. – Екатеринбург, 2016. – С. 55–59.

К. Ганцер

РАЗВИТИЕ НАРРАТИВА О «ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЕ» БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ (1940-е – первая половина 1950-х гг.)

Несколько последних лет активной работы автора этого материала над вопросом о «героической обороне» Брестской крепости, нашедшей всестороннее отражение в нескольких научных публикациях не только в ведущих научных изданиях Беларуси, но и за ее пределами, создают достаточно убедительные основания для утверждения о том, что официальный советский и постсоветский нарратив базировался на многочисленных искажениях, фальсификациях, игнорировании первоисточников, а также умышленной тенденциозной интерпретации исторических источников [1, с. 32–42; 2, с. 284–304; 3, с. 43–59; 4, с. 22–41; 5, с. 140–147]. Это касается почти всех его основных элементов.

Раньше автор исходил из того, что главным создателем нарратива, который общеизвестен до настоящего времени, стал советский писатель С. С. Смирнов. Оказалось, что это не совсем так. Хотя Смирнов организовал целенаправленную поисковую работу о защитниках Брестской крепости, при этом проводил

глубокие тематические исследования с публикацией результатов в статьях и книгах, но на самом деле он намного меньше влиял на структуру и центральные элементы нарратива. Как вытекает из предлагаемого ниже анализа, фальсификация истории боев за Брестскую крепость началась намного раньше и не в публикациях советского писателя.

Наша цель – дать ответ на вопрос о том, как создавалась история «героической обороны» Брестской крепости и что легло на деле в основу ее нарративной конструкции. Заметим, что здесь речь идет не о ходе боевых событий 1941 г., а об их отражении на страницах разных советских изданий, в музеях и кино, на сценах театров и т.д. Поэтому в качестве задач мы видим рассмотрение базовых идей нарратива, раскрытие основных положений его содержания и выявление принципиальных расхождений с историческими документами о событиях, которые нашли отражение в документальных источниках или свидетельствах очевидцев.

Хронологические рамки данной статьи ограничиваются периодом с конца войны до середины 1950-х годов. Во второй половине 40-х годов появились первые статьи, стихи и картины, написанные журналистами, писателями, поэтами и художниками на тему обороны Брестской крепости. С 1949 г. тема нашла отражение в материалах экспозиции Музея истории Великой Отечественной войны, открытого в Минске в октябре 1944 г. Среди первых необходимо выделить публикации 1948 г., когда в начале того года секретарь Брестского обкома КПБ(б) Н. Красовский напечатал большую статью сначала в республиканском журнале «Беларусь» [6], а затем в мае того же года в областной газете «Заря» [7]. В том же году на страницах всесоюзного журнала «Огонек» появилась статья белорусского писателя Михаила Златагорова [8], которая переиздавалась в разных версиях несколько раз в конце 1940-х – начале 50-х годов [9; 10]. В продолжение одного 1951 г. полковник Н. Белощеев опубликовал четыре статьи об обороне крепости над Бугом [11; 12; 13; 14], благодаря чему стал третьим очень влиятельным автором. В 1952 г. вышла пьеса белорусского драматурга К. Губаревича [15], которая в течение следующих десятилетий была сотни раз исполнена на разных сценах по всей стране. Таким образом, через сценическое слово, публикации партийных и военных авторов формировались первые представления советских людей об обороне Брестской крепости.

Определенный прорыв в освещении событий защиты Брестской крепости произошел в годы после смерти Сталина. Так, в 1954 г. после увольнения в запас бывший редактор Воениздата, полковник, известный советский писатель С. С. Смирнов начал работу по сбору материалов о защитниках Брестской крепости. В следующем году сотрудник Центрального музея Советской Армии в Москве Т. Никонова выпустила брошюру об обороне крепости [16]. Отметим, что только в одном 1955 г. появилось, кроме указанной брошюры, девять статей в газетах, журналах и разных сборниках [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25] – половина их из-под пера Смирнова, все во всесоюзных изданиях. Так весь Советский Союз узнал о подвиге защитников Брестской крепости.

Летом и осенью 1956 г. Смирнов несколько раз выступал по всесоюзному радио, в том же году опубликовал книги «Крепость на границе» и «Крепость над Бугом» [26; 27]. Впоследствии автор получил большое число писем, в том числе ранее неизвестных защитников крепости. Тогда же вышел фильм «Бессмертный гарнизон», посвященный героической обороне Брестской крепости (сценарий К. М. Симонова).

1956 год можно назвать рубежным. С 1957 г. по всему Советскому Союзу писали статьи, стихи и картины, пели песни и говорили только об одном аспекте истории Брестской крепости – ее «героической обороне», массовой стойкости, мужестве и самопожертвовании ее защитников.

Анализ вышеназванных публикаций показывает определенную тенденцию. Авторы самых первых публикаций объединяли две общие проблемы. Во-первых, приходилось работать в условиях сталинской советской системы. Это означало, что они должны были, с одной стороны, обязательно использовать определенные общепринятые и стереотипные штампы, клише, оценки, с другой – не затрагивать тем, на которые было наложено идеологическое табу. Во-вторых, публикуя свои первые работы, авторы почти ничего не знали о боях за Брестскую крепость, ходе боевых действий, ее штурме конкретными пехотными частями вермахта, использовании боевого вооружения и т.д., как и не имели конкретного представления о количестве участников с советской стороны, причинах сдачи крепости, плене и т.д. К тому же практически не использовались исторические источники, без которых невозможно было работать над темой. Так что авторы вынуждены были повторять устойчивые штампы, а не утруждать себя поиском документов при раскрытии темы обороны крепости летом 1941 г. Были важны не документальные источники, а любые доказательства массового героизма советских защитников и превосходства советской системы. Во многих случаях в опубликованных работах присутствуют логические противоречия, которые показывают, что авторские тексты основаны не на исторических документах, а на вымышленных фактах, высказываниях или свидетельствах. Вместе с тем имели место случаи, когда публикации опирались на реальные факты. Так, например, секретарь Брестского обкома Н. Красовский писал о реальной участнице обороны Р. Абакумовой [6, с. 7].

В центре созданного в первые послевоенные годы советскими авторами нарратива стояли две темы, где до сих пор ничего не изменилось.

Для пропагандистов одним из ключевых моментов считалось продолжительность боев. В 1942 г., когда в газете «Красная Звезда» была опубликована первая статья военного корреспондента М. Толченова о боях в крепости [28, с. 3], это еще не было так важно. Автор ориентировался на отчет командира 45-й пехотной дивизии генерала Ф. Шлипера о боевых действиях по захвату Брест-Литовска, но при этом все же добавил один день (и это только из-за ошибки в переводе отчета) от себя [29, с. 41]). В 1946 г. журналисты газеты «Комсомольская правда» А. Вахов и А. Шейнин в материале о первом дне войны решили, что отчет Шлипера был

донесением [30], это значит, что указанная дата является днем подготовки донесения о боях в крепости. Поэтому 8 июля 1941 г., которым был датирован отчет, признали днем окончания боев. Таким способом их смогли растянуть с 9 дней по немецкому документу до 17 дней. По неизвестным причинам Н. Красовский добавил еще 5 дней [6, с. 8]. В 1952 году была найдена надпись на одной из стен крепости с датой «20 июля 1941». Остроумные пропагандисты решили, что эта надпись на стене крепости – документальное доказательство того, что в тот день бои закончились [16]. Оборона была растянута на 29 дней. Позже Смирнов решил, что датой окончания обороны являлся 32-й день войны, когда был пленен майор Гаврилов.

Вторым ключевым моментом является пленение защитников крепости. В своем исследовании мы исходим из того факта, то плен до сих пор остается центральной проблемой нарратива о «героической обороне» [4, с. 22]. Так, в 1942 г. автор самой первой статьи об обороне – военный корреспондент М. Толченев – утверждал, что советские солдаты и командиры не сдавались в плен, а сражались до последнего патрона [28]. Чтобы это утверждение было более убедительным, надо было вырезать из отчета Шлипера, известного в то время корреспонденту, несколько фрагментов, где говорилось не только о большом количестве красноармейцев и офицеров, в ходе немецкого штурма крепости оказавшихся в немецком плену, но и о капитуляции Восточного форта. Немецкий документ содержал конкретные цифры о том, что в конце боев за крепость и город Брест в немецком плену оказалось 7 223 младших командиров и рядовых, в том числе 101 офицер [31, с. 300–309]. Напомним, что в СССР сдача в плен считалась преступлением, которое равнялось измене Родине. По советскому законодательству, пленный – это предатель. О таких не пишут, так как их в Красной армии быть не могло.

Вот и всё, что мы находим в текстах, это плен *ex negativo*: повторное утверждение, что никто даже не думал о сдаче, что предателей не было, что все сражались до конца и т. п. Так осталось и после войны, так осталось и после распада Советского Союза.

В своих публикациях, посвященных теме плена, мне удалось на основе использования целого комплекса документов разного происхождения прийти к аргументированному выводу, что в ходе обороны крепости приблизительно 75% от общего количества защитников попало в немецкий плен [32]. Это значит, что они не стояли насмерть. И это касается большинства участников обороны, которые по разным причинам оказались в плену. В своих работах мы не бросаем упрек в сторону пленных. Это было бы абсолютно неэтичным, необоснованным и ненаучным высказыванием. Повторим и подчеркнем ещё раз: плен был историческим фактом обороны крепости. Но такая правда противоречила бы официальному советскому нарративу только потому, что советские пленные не имели право на свою историю, на свою судьбу, на свою память.

Касательно пленных во всех публикациях мы находим те же самые штампы, которые известны уже много лет и сводятся к тому, что попасть в плен можно было только в бессознательном состоянии.

Выше мы выдвинули тезис о том, что первоначально авторы придумывали отдельных людей, описывали героев и их истории, которых в реальности не было. Мы понимаем, что это рискованное утверждение. Ведь невозможно доказывать несуществование. Мы не можем доказывать, что НЛО нет, что бога нет, что Гитлер сегодня не живет в Антарктиде. В отношении несуществующих (вымышленных) защитников важно обратить внимание читателя на одно косвенное доказательство. Фамилии тех людей, которые были названы в ранних публикациях, позже просто исчезли из официального советского нарратива. Их не награждали медалями и орденами. Этим героям не нашлось места ни в музейных экспозициях, ни в публикациях. Когда события начали исследоваться более систематически, вместо них стали появляться настоящие участники тех летних боев.

В моей докторской работе приведен один из примеров. Перед читателем будет стоять простая задача – понять, как же на деле погиб старший лейтенант Калиновский.

Первым, кто упоминал имя «старшего лейтенанта Калиновского», был секретарь Брестского обкома партии Н. Красовский [6, с. 6]. В 1948 г. он указывает не только место события, но и раскрывает его детали, описывая их так, как будто он сам был там. Смысл изложенного сводится к следующему: Калиновский погиб в здании санитарной части 125-го полка. Как это случилось? 25 июня группа Калиновского защищалась в этом доме. Закончились патроны, поэтому все забаррикадировались в одной комнате. Немцы ворвались в комнату. Калиновский хотел выстрелить в немца, но его пистолет дал осечку. Немцы бросились на него, захватили и вывели во двор. Только там его расстреляли.

Но в описанном сюжете Красовского бросаются в глаза очевидные противоречия. Старшего лейтенанта Калиновского расстреляли дважды: один раз в доме, второй раз – во дворе. Когда закончились патроны, Калиновский хотел выстрелить в одного из нападающих немцев, но не смог этого сделать якобы из-за осечки. Красовский показывает читателю подробности боя, которые можно знать только после проверки материальной части (например, оружие дало осечку). Заметно и то, что рассказ о пленении, мягко говоря, не корректный: Калиновский был взят в плен! Такой вариант не подходит для советского героя.

Схожий сюжет приводит в своей статье и белорусский писатель М. Златогоров, который в том же году писал об обороне крепости и рассказал о судьбе Калиновского [8, с. 14]. Повествуя о героизме и мужестве защитников Брестской крепости, он говорит о том, что группа Калиновского организовала оборону в доме санитарной части 125-го полка. Патроны закончились, поэтому все оставшиеся защитники забаррикадировались в одной комнате. Немцы ворвались в комнату. Они хотели захватить Калиновского живым. Но тот перечеркнул их план, оставив последний патрон для себя.

Возникает вопрос: откуда Златогоров мог знать план немцев о захвате советского офицера в плен? Ответ не известен.

Как видно из текста, писатель идет дальше секретаря обкома и приводит факт самоубийства офицера вместо плена. Это то, что в советские времена ожидали от рядового до командира и комиссара Красной армии. Но в нашем случае это был не самый удачный вариант написания героического эпоса, особенно в свете требований советской идеологии и пропаганды.

Как отмечалось выше, полковник Белошеев в течение одного года опубликовал четыре статьи о защите крепости. В одной из них он писал, что группа Калиновского защищалась в доме 125-го полка, забаррикадировавшись в одной комнате. Патроны закончились. В ход пошли гранаты. Все один за другим погибли, только Калиновский остался в живых. Немцы ворвались в комнату. Раненый Калиновский остался один и без патронов. «Он бросился в рукопашную и погиб смертью храбрых» [14, с. 5]. Вот как надо писать о героях. Только думать о тексте не надо. Иначе можно спрашивать: откуда автору было известно, как погиб Калиновский, если все другие погибли? Кто мог ему рассказать? У немцев автор точно не спрашивал.

Из публикаций получается, что старший лейтенант Калиновский погиб как герой. Вероятнее всего, он не погиб, так как никогда не существовал. Его образ придумал секретарь обкома партии Красовский, другие продолжили рассказ партийного руководителя области, немного его изменив, но при этом выдержав в героическом пафосе. Заметим, что другие авторы, в первую очередь Смирнов, не пишут о подвиге Калиновского. Его почему-то после такого героического подвига не награждали ни орденом, ни медалью. Почему-то его подвиг не упоминается ни в материалах экспозиции Музея обороны, ни на мемориальных памятниках, ни на памятных досках. Его забыли. Хотя на сайте Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» можно найти упоминание о Николае Петровиче Калиновском, погибшем в боях за крепость в июне 1941 г. [33]. Но здесь, вероятнее всего, речь идет об однофамильце, поскольку пока никто не подтвердил документально факт идентичности этих двух людей.

Кроме придуманных героев в ранних публикациях мы найдем и немалое количество выдуманных событий. Приведем один пример. Наш сюжет касается безымянных свидетелей, ссылаясь на которых, сотрудница Центрального музея Советской Армии Т. Никонова пишет в своей брошюре следующее: «Во время одной из атак врага защитники крепости, как рассказывают очевидцы, контратаковали его несколькими танками, находившимися в крепости. Прямым попаданием вражеского снаряда был подбит один из танков. Но объятая пламенем машина не остановилась. Она врезалась в гущу обезумевших фашистов и взорвалась, похоронив под собой десятки гитлеровцев» [16].

Явно, что и этот рассказ – простой фейк.

Во-первых, сразу заметно, что слова «объятая пламенем машина» встречаются в советском героическом нарративе о «подвиге Гастелло»; во-вторых, в известных советских и немецких воспоминаниях этого события

нет; в-третьих, его нет и в немецких документах 1941 г. И наконец, вопрос заключается в том, где это было на территории крепости, где могли находиться очевидцы, которые всё это видели. Ответ прост: для тех, кто знает географию размещения военных объектов на территории крепости, очевидно, что ни в самой крепости, ни на всей ее территории нет такого места, где это могло произойти технически. Скорее всего, автор брошюры, создавая такой сюжет на бумаге, перенесла на страницы события, которые можно было увидеть на экранах кинотеатров, но не среди исторических фактов обороны крепости.

Приведенные примеры говорят о том, что до 1956 г. практически в любом тексте об обороне Брестской крепости встречаются недостоверные факты. Речь идет о фактах, которые не находят документального подтверждения, т.е. не опираются на верифицированные источники. Постоянная пропаганда подобных преувеличений и фантазий привела к тому, что стало «общеизвестно», что в Брестской крепости произошло что-то чрезвычайное, но повторяющееся в литературных и журнальных публикациях, однако не нашедшее отражения ни в одном научном исследовании. К началу 1950-х годов была воссоздана картина, которую нужно было и дальше сохранять без изменений, не подвергая сомнениям. И при этом не было пути назад. Когда в середине 50-х годов Смирнов стал заниматься сбором материалов о крепости, основные элементы героического нарратива к тому времени были идеологически этаблированы и приняты общественностью. Писатель только взял готовый каркас событий и добавил туда настоящих, живых и мертвых людей.

Свидетели исторических событий, показанных Смирновым, также далеко не отошли от сюжетов нарратива, который они уже знали из газет, журналов, радио и кино (вернее, смогли добавить свои фантазии или же подтвердить нарратив своим статусом очевидцев). Они уже понимали, что от них ожидали читатели или слушатели и государственные органы. Возникает вопрос: нужно ли было им в тех условиях искать правду? Ведь после всех страданий, лагерей, подозрений многим было приятно просто называться героем, защищавшим в течение месяца Брестскую крепость. Спокойнее жилось.

Как было отмечено выше, С. С. Смирнов в целом сильно не влиял на нарратив, создаваемый раньше пропагандистами, литераторами, поэтами, но не исследователями. В то же время в одном сюжете он значительно изменил нарратив. Так, в начале поиска писатель общался с тремя защитниками крепости, которые сообщали о ее многократных бомбежках самолетами люфтваффе (Самвел Матевосян, Александр Филь, Александр Махнач). Однако по немецким данным этих бомб не было [34], так как ни один самолет люфтваффе до 29 июня не выполнял боевое задание по бомбардировке крепости. Но благодаря публикациям Смирнова бомбежки стали одной из центральных частей советского нарратива.

Получается, что в основе версии нарратива Смирнова, которая стала общеизвестной и была принята официально, мы находим следующее.

1. Авторские выдумки в ранних публикациях, игнорирование уже известных исторических фактов, даже фальсификация отдельных событий (например, плена), использование в целом журналистского подхода к изучению истории обороны крепости, отсутствие критического подхода к анализу событий, односторонняя интерпретация источников при оценке реальных событий.

2. Опора на рассказы очевидцев, которые часто приукрашали события, отступали от истины. Так, например, Александр Филь утверждал, что боролся в крепости больше недели, но по немецким документам он был взят в плен уже на второй день войны. То есть все, что он рассказывал о событиях, начиная с 24 июня, на деле оказалось выдумкой.

Другой убедительный пример – майор Гаврилов. В своих воспоминаниях он писал, что под его командованием защитники Восточного форта сбили минимум три самолета. Это не больше и не меньше чем фантазия воина. Также Гаврилов включил в свои воспоминания немецкое нападение на форт с использованием бензина и масла, о котором он после войны узнал из некачественного перевода немецкого документа. На самом деле такая операция была запланирована на 30 июня в том случае, если защитники Восточного форта и дальше будут оказывать сопротивление. Но защитники форта капитулировали, поэтому операция не была проведена.

Таким образом, изучение начального периода советского нарратива о «героической обороне» Брестской крепости приводит к мысли о том, что в то время была сформулирована официальная версия, основой которой стала советская пропаганда времен Сталина. Отсутствие серьезных исследований, построенных на критическом анализе различных данных, в том числе немецких, а также умышленное придумывание героев и событий привели к одностороннему и идеологизированному показу истории боев за Брестскую крепость, что и сегодня пропагандируется музеями, журналистами и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ганцэр, К.* Воспоминания защитников Брестской крепости как исторические источники. Проблемы и шансы / К. Ганцэр // Личность в истории. Героическое и трагическое: сб. материалов VI междунар. конф., Брест, 22–23 ноября 2013 г. : в 2 ч. / под ред. Е. И. Пашкович. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – Ч. 2. – С. 32–42.
2. *Ганцэр, К.* Памяць пра вайну і акупацыю ў Беларусі на прыкладзе мемарыялаў «Брэсцкая крэпасць-герой» і «Хатынь» / К. Ганцэр // АРСНЕ. – 2015. – № 9. – С. 284–304.
3. *Ганцэр, К.* «Гераізм, трагізм, мужнасць». Музей абароны Берасцейскай крэпасці / К. Ганцэр, Е. І. Пашковіч // АРСНЕ. – 2013. – № 2. – С. 43–59.

4. *Ганцэр, К.* Сталина длинная тень. Плен как ключевая проблема историографии обороны Брестской крепости / К. Ганцэр // Брест. Лето 1941 года: Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцэр (рук. группы) [и др.]. – Смоленск: Инбелкульт. 2016. – С. 22–41.
5. *Ганцэр, К.* Памяць і забыццё: ушанаванне герояў Брэсцкай крэпасці / К. Ганцэр // Вяртанне ў Еўропу: Мінулае і будчыня Беларусі / пад рэд. Е. І. Пашковіч. – Варшава : Лазарскі, 2011. – С. 140–147.
6. *Красоўскі, М.* Гераічная абарона ў Брэсце (чэрвень–ліпень 1941) / М. Красоўскі // Беларусь. – 1948. – № 2. – С. 3–8.
7. *Красоўскі, М.* Гераічная абарона ў Брэсце / М. Красоўскі // Заря. – 1948. – 9 мая. – С. 3–4.
8. *Златогоров, М.* Брестская крепость / М. Златогоров // Огонек. – 1948. – № 8. – С. 13–14.
9. *Златогоров, М.* Беспокойные сердца: очерки / М. Златогоров. – М. : Профиздат, 1949. – С. 7–21.
10. *Златогоров, М.* Защитники Брестской крепости / М. Златогоров // «За Родину! За Сталина!». Комсомольцы и молодежь Вооруженных Сил Союза ССР в Великой Отечественной войне: лит.-худож. и док. сб. 1941–1942 гг. / С. Смирнов. – М. : Воениздат, 1951. – С. 18–25.
11. *Белашэў, А.* Бастыёны славы / А. Белашэў // Беларусь. – 1951. – № 2. – С. 9–10.
12. *Белошеев, А.* Священные реликвии первых дней войны / А. Белошеев // Огонек. – 1951. – № 10. – С. 4–5.
13. *Белошеев, А.* Стойкость и мужество советских воинов / А. Белошеев // Иллюстрированная газета. – 1951, июнь.
14. *Белошеев, А.* Цитадель славы / А. Белошеев // Советский воин. – 1951. – № 11. – С. 4–6.
15. *Губарэвіч, К.* Цытадэль славы: драма ў 3 актах, 8 карцінах / К. Губарэвіч // Польшча. – 1952. – № 1. – С. 64–91.
16. *Никонова, Т.* Героическая оборона Брестской крепости. По документам и реликвиям Центрального музея Советской Армии / Т. Никонова. – М. : Воениздат, 1955. – С. 19.
17. Молодежи о Советской Армии / под ред. В. Московского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Молодая гвардия, 1955. – С. 171.
18. Очерки истории великой Отечественной войны 1941–1945 / под ред. Б. Тельпуховского. – М. : Акад. наук СССР, 1955. – С. 52–53.
19. *Симонов, К.* Бессмертный гарнизон: киносценарий / К. Симонов // Новый мир. – 1955. – № 5. – С. 26–67.
20. *Смирнов, С. С.* Героический подвиг защитников Брестской крепости / С.С. Смирнов // Красная Звезда. – 1955. – 25 марта.
21. *Пономарев, В.* Крепость Славы / В. Пономарев // Огонек. – 1955. – № 6. – С. 21.
22. *Смирнов, С.С.* Крепость на границе / С.С. Смирнов // Советский воин. – 1955. – № 8. – С. 21–23.
23. *Продан, Ю.* Как в сорок первом ... / Ю. Продан // Советский воин. – 1955. – № 8. – С. 23.

24. *Смирнов, С. С.* Крепость над Бугом: героическая драма в 4 действиях с прологом / С. С. Смирнов // Знамя. – 1955. – № 9. – С. 13–57.
25. *Смирнов, С. С.* Брестская крепость / С.С. Смирнов // Смена. – 1955. – № 12. – С. 4–5.
26. *Смирнов, С. С.* Крепость на границе / С.С. Смирнов. – М. : ДОСААФ, 1956. – 95 с.
27. *Смирнов, С. С.* Крепость над Бугом. Героическая драма в 4 действиях с прологом / С. С. Смирнов. – М.: Искусство, 1956. – 116 с.
28. *Толченов, М.* Год тому назад / М. Толченов // Красная Звезда. – 1942. – 21 июня. – С. 3.
29. *Ганцэр, К.* Переводчик виноват. Влияние перевода на восприятие исторических событий (на примере отчета о боевых действиях по захвату Брест-Литовска генерал-майора Фрица Шлипера) / К. Ганцэр // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. – Минск : МДЛУ, 2015. – Вып. 13: у 2 т. – Т. 1. – С. 39–45.
30. *Вахов, А.* В первый день войны / А. Вахов, А. Шейнин // Комсомольская правда. – 1946. – 23 февр.
31. Отчет командира 45-й пехотной дивизии генерал-майора Ф. Шлипера о боевых действиях по захвату Брест-Литовска генеральному штабу сухопутных войск от 8 июля 1941 г. // Брест. Лето 1941 года: Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцэр (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт. 2016. – С. 300–309.
32. *Ганцэр, К.* Нямецкія і савецкія страты як паказчык працягласці і інтэнсіўнасці баёў за Брэсцкую крэпасць / К. Ганцэр // АРСНЕ. – 2014. – № 5. – С. 135–153.
33. Брестская крепость. Мемориальная крепость. Книга «Память»: Белорусы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://brest-fortress.by/knigapamyat/68-belorusy-26.html>. – Дата доступа: 04.04.2018.
34. *Ganzer, Ch.* Grenzenloses Heldentum revisited. Die “heldenhafte Verteidigung der Brester Festung” im Lichte von Wehrmachtakten und deutschen Egodokumenten / Ch. Ganzer // Militärgeschichtliche Zeitschrift. – 2017. – Nr. 76/1. – S. 56–60.

Ю. фон Зааль

«ДЗІЦЯЧЫЯ ВЁСКИ»

Ў ПАМЯЦІ БЕЛАРУСІ І Ў ГЕРМАНСКІХ КРЫНІЦАХ

Гісторыя германа-савецкай вайны і звязаныя з гэтым стасункі паміж Германіяй і Беларуссю ўтрымліваюць некаторыя «белыя плямы». Адною з такіх з’яўляюцца злачынствы германскага вермахта на завяршальнай фазе вайны, пра што мы, як і раней, маем толькі фрагментарныя веды. Якраз такі фрагмент гісторыі ўяўляюць «дзіцячыя вёскі», створаныя ў тыле 9-й палявой